

Поэт в России – больше, чем поэт

Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

Додекабристский декабрист

Владимир РАЕВСКИЙ

1795, село Хворостянка Курской губернии –
1872, деревня Малышевка Иркутской губернии

 Так ложного мечтой доселе ослепленный,
 Напрасно мыслил я о счастливых часах.
 Тебе ль знать радости? Твой разум заблужденный
 Не мог предузнавать о будущих бедах,
 Давно назначенных губительной судьбою;
 Лишь смерть желанная спасительной рукою
 Тебя освободит от горестей твоих!
 Тебе ль переломить судьбы определенные
 И силой Сильного избегнуть назначение?
 Исчезнули мечты, я счастлив был лишь миг,
 И счастлив только заблуждением,
 Которое, как вихрь, исчезло мановением.
 Ни ласки нежные, ни кротость, ни любовь,
 Ни одинакая текущая в нас кровь –
 Ничто не умягчит дух злобный и враждебный!
 А я, не опытный, безумный, увлеченный,
 Предвидеть будущих несчастий не возмог.
 Кто ж этому виной? Я сам иль сильный Бог.

1810-е годы

Раевский, носивший на руке железное кольцо заговорщика еще в 1816 году в гарнизоне Каменца-Подольского и брошенный в 1822 году в одиночную камеру Тираспольской крепости, стал первым додекабристским декабристом. Находясь в осклизлых зарешеченных стенах, ровно 180 лет назад он был всем своим воображением и надеждами на Сенатской площади. Конечно, среди его бывших друзей оказались и те, о ком он с горечью написал:

Когда гром грянул над тобою –
 Где были братья и друзья?
 Раздался ль взятно за тебя
 Их голос смелый подгрозою?
 Нет, их раскраденные лица
 И в счастье гордое чело
 При слове казни и темницы
 Могильной тенью повело...

Но не все были такими. Пестель признался на допросе: «Ежели бы действительно мы нашлись в готовности и в необходимости начать возмутительные действия, то я полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского...» В случае если бы Раевский оказался на Сенатской, то после поражения его можно было бы представить в роли не сдавшегося Лунину, но вряд ли в роли тех, кто оказался нетверд духом.

В 1826 году на суде Раевский воскликнул: «Если патриотизм преступление – я преступник!» Но и радищевский, и чаадаевский «патриотизм с открытыми глазами» был всегда подавляем в России патриотизмом «с закрытыми глазами» или с глазами, верноподданно выпущенными. И на суде над декабристами при Николае I, и на судах над советскими диссидентами при Брежневе.

Сын курского помещика, выпускник кадетского корпуса, награжденный золотой шлагой с выгравированной надписью «За храбрость» после того, как доказал ее в Бородинской битве, Раевский провел 6 лет в тюрьме, был лишен чинов и дворянства и отбыл почти 30 лет в сибирской ссылке, женившись на тамошней крестьянке Евдокии Середкиной. Он не сломался, открыл в деревне школу, где учил грамоте детей, и стал единственным из декабристов успешным хлебопашцем, мельником, лошадником и даже Мичурином того времени, вырастил в парниках особую породу сибирских арбузов, и с удовольствием похвастывал альми солеными ломтями под собственный самогон. Но означало ли это, что после кутузовского полководческого шатра, прудившего пороховым ветром, он спрятался под дотканым подолом своей сибирячки, утюно пахнущей тестом, сеном и молоком? Он ее полюбил, но сострадал ей за ее любовь к нему:

Беспечная, зачем ты встретилась со мной?
 Зачем ты странника узнала?
 Вся жизнь его загадка для тебя,
 Ты с тайн его не снимешь покрываала.
 Не встретишь с ним ты радостного дня!

Не тот у него был характер, чтобы его страдание ограничивалось лишь стенами личной жизни. Именно он, даже с аржаной мукой в бороде, писал своему стариинному другу Г.С. Батенькову в шестидесятых годах: «Государство, где существуют привилегированные и исключительные касты и личности выше законов, где частицы власти суть сила и произвол без контроля и ответственности, где законы практикуются только над сословием или стадом людей, доведенных до скотоподобия, там не гомеопатические средства необходимы... Прежде всего следует крепостному рабу возвратить человеческие права...» Вот оно, досахаровское русское право-защитничество! И разве по сегодня не звучат так же актуально некрасовские строки: «Знаю, на место сетей крепостных Люди придумали много иных»? А ведь задолго до них были и стихи Раевского:

Когда ты был младенцем в колыбели
 И голосом невинным лепетал,
 Кто жизни план младенцу начертал,
 Назначил кто твой путь к опасной цели?
 В обятиях коримилицы своей
 Ты напрягал бессильные ручонки
 И с криком разрывал,
 как цепь, свивальник тонкий!
 Кто первый смысл родил

в златой душе твоей
 О вольности и тяжести цепей?

Трагические строки Владимира Соколова: «Не надо мне прав человека, Я давно уже не человек» сегодняшние внушили постыдного незамечательства народных страданий почему-то сделали самооправданием гражданской импотенции как особого вида достоинства.

Свобода от собственной совести – рабство. Снобизм – это лень сострадать. Искусство для искусства – трусость души. Но чем лучше чистолинное трудолюбие, глухое во всему, за исключением жужжания собственного роя? Раевский предостерег и самого себя, и всех других:

Не доверяй усердию рабов:

Предательство – потребность рабской доли...

Он предупреждал, как опасна заманчивая близость к власти:

...Опасны милости и дружество царей –

Кто ближе к скрипету,

тот ближе к ниспадению!

Раевский не только создавал в стихах правила гражданского поведения, но и не нарушал их, что случается далеко не со всеми.

К Раевскому не чурался прислушиваться и Пушкин, с которым вместе они даже сочинили сатирическую песенку о Мальбруке, ходившую в списках в южнодекабристских кругах. Вот что пишет в мемуарах друг Раевского И.П. Липранди: «...шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касающиеся до предмета, о котором шла речь».

Каждый великий поэт – это результат чьего-то соавторства.

Раевский был одним из соавторов не просто какой-то песенки, но и всей жизни Пушкина. То, что он «подстрекал» Пушкина именно к истории и географии, а не к приятию им идеи необходимости пролития крови, звучит как нравственное алиби.

Но таким людям, как Раевский, свойственно принимать на себя вину других. Кто знает, в чем он исповедался священнику своего родного села в Курской губернии, которое впервые посетил после тюрем и ссылки, перед тем как снова вернуться в приютившую его Сибирь, и уже навсегда?

Кольцо Раевского

Гордо нелюбезное лицо.
 На руке железное кольцо.

Символ вольнодумского кружка
 палец сжал, и вся рука тяжка.

И себя не чувствуешь юнцом,
 став железным заодно с кольцом.

Был Раевский на допросах чист.
 Не предатель был додекабрист.

Был вчера Володенька – кадет,
 но на палец мрачный знак надет,
 ибо всем, решившимся убить,
 вечно закольцованными быть.

Этого он с ними не решал.
 Может, Пушкин чем-то помешал?

И Раевский, сосланный в сельцо,
 выбросил в сибирский мох кольцо,

Он, венчаясь, в сторону глядел,
 и кольцо другое поп надел,

но опять от снятого мозоль
 причиняла внутреннюю боль.

А однажды с Дусей, на беду,
 он пошел в тайгу по ягоду,
 а жена и тут, среди травы,
 с барином былым была на «вы».

Крикнула жена ему: «Вы чо?»
 Деревянным гребнем он вычесывал
 с бруски алый мох
 и остолбенел, как будто плох.

В его руку ржало, тяжело
 То кольцо железное легло,
 будто в каплях крови, в ягодах,
 а вот в чье – узнать в других годах...

Вздрогнул он – вдруг у того кольца,
 есть начало, только нет конца?

И, швырнув кольцо на дно реки,
 понял, что не снять его с руки...

Евгений ЕВТУШЕНКО